КЕЙТ
ЛАТИМЕР

Лабиринт Монтроуза

Кейт Латимер

Лабиринт Монтроуза

Серия «Убийство в высшем обществе»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74800816
К. Латимер. Лабиринт Монтроуза: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2027
ISBN 978-5-04-250788-5

Аннотация

Англия, последние дни августа 1965 года.

Закрытая школа для девочек готовится встретить возвращающихся с каникул учениц, юных леди из лучших британских семей. Но размеренную жизнь школы нарушает внезапное исчезновение молодой учительницы. И это не первый случай: здесь уже пропадала девушка, и дело так и осталось нераскрытым.

Айрис Бирн пригласили в школу Монтроуз учительницей, но ей снова придётся взяться за расследование. И старые тайны окажутся куда важнее новых улик. Почему в школе гибнут девушки? Как это связано с семьёй Монтроузов, бывшими владельцами особняка? И какую роль играет зелёный лабиринт в саду школы – это произведение искусства, место преступления, объект одержимости или ключ ко всему?

Содержание

Глава 1. Во́роны 5
Глава 2. Мисс Моррис 24
Глава 3. Марлоу-Хаус 52
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Кейт Латимер
Лабиринт Монтроуза

© Латимер К., 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

Он бросил все, чтобы создать книгу и лабиринт.
Хорхе Луис Борхес

Глава 1. Во́роны

Вторник, 24 августа 1965 года

Айрис Бирн проснулась от стука в дверь.

– Мисс Моррис! Мисс Бирн! Вы там? Откройте!

Айрис подскочила на кровати и схватила будильник. Неужели проспала? Уже начался ее урок?

Нет, часы показывали восемь десять. Она могла спать еще двадцать минут.

– Мисс Моррис, ответьте! – не унимались по ту сторону двери.

Айрис со сна никак не могла сообразить, что происходит. Но теперь она хотя бы голос узнала – это была миссис Эндрюс, сестра-хозяйка Кларенс-Хауса.

– Мисс Моррис! Мисс Бирн! Если не откроете, я войду сама! Прямо сейчас!

Айрис схватила халат, накинула его на пижаму и распахнула дверь.

– Что-то случилось, миссис Эндрюс? Я спала… Не слышала, как вы стучали.

– Доброе утро, мисс Бирн, – произнесла миссис Эндрюс так спокойно и чинно, словно не она только что барабанила в дверь. – Я не думала, что кто-то может спать в такое время. Мисс Моррис здесь?

С порога кровать Пэм Моррис не было видно, и Айрис отошла в сторону, чтобы миссис Эндрюс могла заглянуть и убедиться сама, что в комнате никого, кроме Айрис, не было.

– У мисс Моррис сейчас урок, – сказала Айрис.

– В том-то и дело, что она не явилась! – возмущенно объявила миссис Эндрюс. – Девочки ждали ее в классе, потом пошли к мисс Петти, и она прислала мне записку. Я решила, мисс Моррис проспала, но она…

Миссис Эндрюс и Айрис молча смотрели на заправленную постель мисс Моррис.

– И где она может быть? – произнесла после долгой паузы Эндрюс.

– До сих пор в столовой? – предположила Айрис, сама понимая, что это очень маловероятно.

Преподаватели ели в «старшей» столовой, вместе с ученицами пятых и шестых классов[1], так что даже если Пэм потеряла счет времени, она бы обязательно заметила, как девочки вышли. Пусть и сейчас, в августе, их в школе оставалось совсем мало, всего пятьдесят три. Только те, кого не смогли забрать домой на каникулы.

– Вы не слышали, когда она уходила?

– Нет, – покачала головой Айрис. – Я крепко сплю.

– А что, если она в ванной? – всплеснула руками миссис

[1] После окончания начальной школы в Англии отсчет классов начинается заново, поэтому дети в одиннадцать лет идут в первый класс (средней школы), а выпускным классом оказывается шестой.

Эндрюс. – Вдруг ей стало плохо, она потеряла сознание…

Айрис посмотрела на дверь в ванную. Сквозь маленькое застекленное окошко в самом ее верху было видно, что свет внутри не горел, но Айрис все равно подошла к двери и открыла ее. Разумеется, маленькая ванная, которую она делила с Пэм Моррис, оказалась пустой.

– Чрезвычайно странно, – произнесла Эндрюс. – Пойду сообщу мисс Петти. Извините за беспокойство.

После ухода сестры-хозяйки Айрис подошла к рабочему столу Пэм. Толстая синяя тетрадь, с которой та ходила на занятия, лежала здесь, как и учебник латыни. Как ни странно, именно занятия по этому не самому нужному теперь предмету летом посещало больше всего учениц. Просто потому, что подтянуть латынь нужно было практически всем.

На подставке возле двери Айрис заметила коричневые туфли на невысоком каблуке – ее соседка надевала их, когда шла на уроки. Получается, она не опоздала на занятие, – она даже не собиралась туда идти.

Айрис мысленно посочувствовала Пэм, которой наверняка придется давать объяснения насчет пропущенного урока мисс Петти и директрисе, и пошла в ванную комнату.

Небольшое помещение ванной наполняла влажная духота. Айрис удивлялась, как до сих пор не завелась плесень – тут всегда было тепло и сыро, как в теплице. Зато все, кроме старинной мутно-зеленой плитки на стенах, сияло новизной: и умывальник, и ванна, и латунные краны, и даже шкафчик

сбоку от зеркала.

Почти в каждой комнате или зале школы Монтроуз обнаруживалась вот такая непредсказуемая и по-своему милая смесь старого и нового. Лишь немногие помещения, например кабинет директора или главный холл, сохранялись в первозданном виде, и ни один современный стул или диван не осквернял их антикварную чистоту.

Айрис едва успела умыться, как зазвонил поставленный на восемь тридцать будильник. Она выбежала из ванной, подвинула рычажок на будильнике, а потом ее взгляд опять упал на книги на столе Пэм.

Да, чрезвычайно странно. И не похоже на Пэм.

В дверь снова застучали, и на пороге комнаты снова появилась миссис Эндрюс.

– Мисс Петти попросила уточнить, сможете ли вы провести урок латыни вместо мисс Моррис. Ее пока не смогли отыскать. Вы же знаете латынь, да?

Айрис колебалась. Во-первых, Пэм точно не понравится, что она занимается с ее ученицами. Айрис и вообразить себе не могла, что поспорит с кем-то из-за методики преподавания латыни, но недавно именно это произошло, и Пэм дулась на нее уже почти неделю. Во-вторых, Айрис считала, что спрягать латинские глаголы и переводить отрывки из Корнелия[2] таким прекрасным летним днем было сущим му-

[2] Корнелий Непот – римский историк I в. до н. э. Его произведения написаны простым и правильным языком и поэтому часто используются при обучении ла-

чением, и девочкам было бы лучше, если бы урок просто отменили. В-третьих, она даже не завтракала!

– Конечно, я могу провести занятия, – без особой радости сказала Айрис. – Но у меня скоро свой урок, а потом еще один.

– Возможно, мисс Петти переделает расписание. Подойдите сначала к ней.

Когда миссис Эндрюс ушла, Айрис открыла шкаф, сняла с вешалки свою «рабочую» белую блузку и строгий темно-синий костюм и начала переодеваться. Она очень надеялась, что Пэм все же объявится и ей не придется вести уроки вместо нее.

Прошла половина дня, а Пэм так и не вернулась. Учителя начали всерьез беспокоиться. Никто из них не допускал и мысли, что она уехала по срочному делу, никого не предупредив и не оставив записки. К тому же мистер Наттинг, главный садовник, уверял, что у мисс Моррис не было никакой возможности покинуть территорию школы, по крайней мере обычным способом. В пять вечера учитель физики мистер Ричардсон, который жил в собственном доме, уехал домой, после чего ворота заперли и не открывали до семи утра, когда прибыла машина с продуктами. Наттинг лично открыл для нее ворота и тут же запер. Ворота со стороны конюшен тоже оставались закрытыми, потому что утренней трениров-

---

тыни.

ки в этот день не было.

В ограде, окружавшей огромный школьный парк, имелись калитки, но ими не пользовались годами, и мистер Наттинг сомневался, что их вообще получится открыть. Конечно, забор непреодолимой преградой не назовешь, и мисс Моррис вполне способна через него перебраться, но никто не мог представить себе такую картину. Несмотря на юный возраст – всего двадцать два года, – Памела Моррис ни за что не полезла бы через высоченную ограду с острыми шпилями.

После обеда к Айрис подошла лично директриса Чилтон и сказала, что хотела бы осмотреть вещи мисс Моррис: вдруг все же осталась записка или что-то подобное, но так как та делила комнату с Айрис, было недопустимо делать это в ее отсутствие.

Осмотр оказался практически бесполезным: в комнате не нашлось ничего, что могло бы объяснить исчезновение Пэм Моррис. Единственное, что с помощью Айрис и миссис Эндрюс установила директриса, так это то, что Пэм покинула комнату не в халате или ночной сорочке, а полностью одетой: исчезли ее ботинки на толстой подошве и теплый клетчатый жакет. Маленьких очков в проволочной оправе, которые соседка Айрис на ночь оставляла на столике возле кровати, тоже не было.

– Нам стоит обойти всю территорию школы, – проговорила директриса. Голос ее звучал уверенно и сухо, словно исчезновение преподавателя было рядовым делом и она точно

знала, что в таких случаях следует предпринимать. Но Айрис видела, как натянулись мышцы на шее мисс Чилтон, как часто она сглатывала: директриса теперь не просто злилась на не явившуюся на собственный урок учительницу, она была по-настоящему встревожена.

– С молодыми учителями всегда так, – ворчливо добавила миссис Эндрюс. – Совершенно невозможно на них положиться.

Директриса Чилтон раздраженно дернула головой, но ничего не ответила. Она попросила Айрис немедленно сообщить ей, если та что-то узнает, и в сопровождении миссис Эндрюс вышла из комнаты. Сестра-хозяйка передвигалась бесшумно, шаги же директрисы Чилтон были такими четкими и энергичными, что даже по мягкому продавленному линолеуму ее каблуки громко цокали.

Помимо отчетливого стука каблуков директрису всегда сопровождал сладкий как леденцы аромат «Шалимара». Даже после того как мисс Чилтон ушла, запах висел в комнате приторно-пряным облачком. Айрис он казался удушающе сильным и тяжелым, но директрисе на удивление шел. Он подходил к ее элегантным платьям и костюмам, всегда глубоких, темных оттенков, к пышной прическе, увенчанной шиньоном, и к белому от пудры лицу с бровями-ниточками и ярко-алым губам.

Айрис снова подошла к столу Пэм и остановилась, рассматривая аккуратные стопки тетрадей. От дурного предчув-

ствия по рукам и спине побежали мурашки – несмотря на жару.

Она была уверена: произошло что-то нехорошее. Пэм Моррис была самым дисциплинированным, ответственным и педантичным человеком, которого она когда-либо встречала. Ее соседка по комнате никогда и ничего не забывала, никогда не опаздывала, тщательно готовилась к каждому уроку, в случае малейших сомнений обращалась к мисс Петти. Словом, вела себя так, словно до сих пор была в Монтроузе ученицей, а не учительницей. Должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы Пэм пропала на полдня без предупреждения.

Урок латыни после обеда не состоялся. Директриса Чилтон спешно организовала для учениц экскурсию на какую-то ферму, где, кроме всего прочего, изготавливали то ли кувшины, то ли горшки, и девочки в сопровождении двух наставниц сели в автобус и уехали.

Ученицы до сих пор не знали, что мисс Моррис пропала, и директриса решила не будоражить их такими новостями. Старшие классы и так запугивали девочек помладше жуткими рассказами про призраков. Даже Айрис, которая проработала в школе всего несколько недель, уже знала и о монахах, чьи силуэты видели в окнах часовни, и об утопленнице из пруда, и о леди Матильде, которую муж в наказание за измену запер в подвале главного дома и уморил голодом. Те-

перь она, разумеется, блуждала по коридорам школы в поисках пищи. Но по-настоящему пугающей Айрис казалась только история о Дженнифер Дэй, которая исчезла прямо из запертой спальни в Рочфорд-Хаусе. Комната до сих пор стояла пустой: девочки отказывались в ней спать, потому что верили, что Дженни Дэй утащит вслед за собой любого, кто там заснет. Можно было представить, что начнется, если станет известно о том, что мисс Моррис пропала.

Как только ворота за автобусом закрылись, все отправились в приемную, где уже ждала директриса Чилтон. Она поднесла к близоруким глазам крошечный блокнот с серебряным карандашиком на цепочке и зачитала план. Школа для девочек Монтроуз-Холл занимала около трехсот акров, и кроме нескольких десятков самых разнообразных зданий там были регулярный парк, большой пруд, называемый здесь Озером, а также маленький пруд с живописной «руиной» на островке, садовый лабиринт, несколько участков леса и ручей, протекавший в овраге, и для каждой пары сотрудников был назначен свой кусок территории.

Айрис достался примыкающий к западной границе парка уголок, где располагалось семь коттеджей, некоторые со своими маленькими садиками. Граф Монтроуз в те стародавние времена, когда поместье еще принадлежало Монтроузам, построил эти домики для своих работников. Но так как то были не обычные слуги, а люди вроде счетовода или архитектора, дома напоминали маленькие дворцы – со сводами,

эркерами, витражными окнами и декоративными башенками.

И если главное здание выглядело безупречно, как на открытке, то о коттеджах заботились не столь тщательно. Золотистый камень местами потемнел до черноты, возле водостоков стены покрывал нахальный ярко-зеленый мох, а со старых рам, деливших окна на десятки маленьких квадратов, треугольников и ромбов, облезала краска, закручиваясь в бурые струпья.

Айрис предпочла бы обследовать спортивный комплекс, или главный парк, или даже конюшни, где содержали пони, однако аллея коттеджей была все же лучше, чем дальняя часть поместья, спускавшаяся к реке. Хотя все это и называлось парком, там разросся настоящий лес.

В паре с Айрис оказался один из садовников, и за час тщательного обхода они не обнаружили ничего, кроме утопающих в цветах идиллических домиков и огромного рыжего кота, развалившегося на крыльце коттеджа, в котором проживала директриса. Некоторые из садов были неухоженными, но тоже не скрывали ничего опаснее колючих плетей ежевики или осиного гнезда, прилепившегося под крышей сарая для инвентаря.

Все тонуло в зелени, а разросшиеся кусты умудрились оцарапать Айрис ноги даже сквозь брюки.

Вообще-то брюки в школе были под запретом, но Айрис рассудила, что если сейчас здесь нет учениц, то можно

немножко отступить от правил. В брюках кроме нее пришла только мисс Симпсон, преподавательница спортивных игр, остальные же, видимо, собирались лазить по зарослям в чулках. Наверняка порвут их, стоит сойти с тропинки.

Айрис вытерла пот со лба.

Разогретый августовский воздух пропитывали запахи цветов и сухой травы, и сквозь них едва заметно пробивался сладкий и едкий душок подгнивающих яблок, которые несобранными лежали под деревьями. У Айрис даже на языке стало кисло.

Вдалеке прогрохотал гром, и Айрис, обернувшись назад, увидела, что небо в стороне школы темнеет.

– Пора возвращаться, если вы не желаете осмотреть что-то еще, мистер Райт. Но тут до нас никто не ходил, – сказала Айрис. – По траве видно.

– Дойдем еще до старой фермы. От дома мало что осталось, но надо осмотреть. И не переживайте, мисс, до дождя успеем. А может, он вообще сюда не придет.

Хотя грозовые тучи полдня кружили рядом, запугивая громом и бледными молниями, дождь обрушился на школу только после полуночи.

Айрис еще не спала. Она все думала о Пэм Моррис, которая так и не вернулась, и чувствовала пустоту ее кровати, точно там, у противоположной стены, зиял холодный темный провал. Айрис не была суеверна, но все равно боялась

смотреть в ту сторону.

Когда дождь забарабанил по стеклам, она встала закрыть окно, чтобы не залило подоконник, а потом долго стояла, слушала перестук капель по крыше и гул воды в водостоках и снова, снова, снова думала о Пэм.

Куда она ушла? Когда? Для чего? И почему не вернулась – вот главный вопрос.

Директриса Чилтон сказала, что если мисс Моррис не объявится, то завтра с утра она обратится в полицию.

– Частным образом, разумеется, – добавила она. – Пока рано поднимать шум, он нам в начале учебного года совершенно не нужен. Мы ничего не знаем о намерениях мисс Моррис, но родители учениц могут сделать неверные выводы. Например, что в школе нет порядка или что мы без должной тщательности относимся к подбору учителей. Я попрошу констебля помочь, но так, чтобы эта неприятная история не вышла наружу. Если ученицы будут спрашивать о мисс Моррис, говорите, что у нее возникли проблемы со здоровьем и она находится в больнице.

Айрис не очень-то понимала, что значило обратиться в полицию «частным образом», но сомневалась, что поиски человека можно скрыть от учениц и их родителей. Полиции же придется обойти территорию с собаками, обследовать пруды.

Если окажется, что Пэм утонула, девочки просто с ума сойдут от страха и, если уж говорить честно, от тайного про-

тивоестественного восторга. Конечно же, по школе уже гуляла легенда об утопившейся в пруду графской дочери, которая в дождливую ночь поднимается с илистого дна и стучится в окна главного дома, где жила когда-то. И в смерти мисс Моррис, несомненно, обвинят ту несчастную леди семнадцатого века.

Нет, она не должна думать об этом! С чего она решила, что Пэм мертва? Конечно же жива, просто ушла из школы. Для этого даже не обязательно перелезать через ограду – на берегу реки забор немного заходил в воду, но, если не бояться намочить ноги, его можно было обойти и таким образом выбраться наружу…

– Но зачем? – прошептала Айрис. – Зачем тебе это делать? Что могло случиться ночью?

Даже с закрытыми окнами шум дождя казался оглушительным. Айрис прятала голову под подушку, закрывалась одеялом и все равно не могла уснуть. Но дело было вовсе не в стуке дождя по крыше, а в том, что Пэм не вернулась. Когда-то точно так же ушла и не вернулась леди Клементина Вентворт… После того, что произошло год назад в Эбберли, Айрис просто не могла не думать об этом. О самом страшном.

Ей невыносимо захотелось увидеть Дэвида. Было бы гораздо легче, если бы он был рядом. Ей очень не хватало его спокойной уверенности и немного скучного здравомыслия.

Дэвид вовсе не был лишен воображения. Айрис считала

его гораздо более сложным, разносторонним и творческим человеком, чем она сама, – под стать своей матери; просто он все это держал под контролем и не позволял предположениям и фантазиям вторгаться в настоящую жизнь. У Айрис все происходило наоборот: книжные истории часто брали верх над здравым смыслом. Даже когда она ехала сюда, в Монтроуз, в голове так и рисовались милейшие сцены из «Сент-Клэр»[3] и историй Анжелы Брэзил[4] с прогулками и веселыми розыгрышами, пирожными и какао, уютными гостиными и славными спаленками, несмотря на то что она прекрасно знала: настоящие школы-пансионы ни капли не похожи на то, что описывалось в тех книгах.

И кстати, в тех книгах никогда не пропадали учителя. Дети изредка могли. Могли даже болтаться, цепляясь за траву, над какой-нибудь жуткой пропастью. Но их учительницы всегда вели себя образцово: знали ответы на все вопросы, могли помочь советом в любой ситуации и, конечно же, никогда не позволяли себе безумств вроде исчезновений среди ночи.

Среда, 25 августа 1965 года

---

[3] «Сент-Клэр» – серия из шести книг, посвященных школе для девочек «Сент-Клэр», написанная Энид Блайтон в 1941–1945 годах.

[4] Анжела Брэзил – автор популярных книг для девочек, многие из которых описывали жизнь в школах-пансионах.

Утро никаких новостей не принесло. За завтраком учителя осторожно расспрашивали друг друга, но никто ничего не знал. Директриса Чилтон никогда не завтракала вместе со всеми, лишь пару раз в неделю приходила в общий зал посмотреть, как ведут себя за столом девочки. Сегодня ее не было.

На урок истории к Айрис приходило всего четыре ученицы: все они уже сдали выпускные экзамены и остались в школе готовиться к поступлению в Оксфорд и Кембридж[5]. Все девушки, как на подбор, обладали хорошими знаниями и острым зрелым умом, и Айрис нравилось с ними заниматься – но не сегодня. Она никак не могла сосредоточиться на обсуждении Акта о престолонаследии и в конце концов задала написать эссе на эту тему.

Смешно будет, если Пэм объявится к вечеру, и у ее исчезновения окажется простое объяснение, про которое никто не подумал.

Окно классной комнаты выходило на знаменитый парк поместья Монтроуз, который после нескольких десятилетий запустения стараниями школы восстановили почти что в прежнем виде. Изящно, хотя и излишне нарочито изогнутая

---

[5] До 1987 года учащиеся, сдавшие выпускные экзамены с хорошими результатами, могли остаться в школе еще на один год и посвятить его подготовке к поступлению в Оксфорд или Кембридж. Это давало детям из обеспеченных семей серьезные преимущества при поступлении, так как дополнительный год (седьмой класс) предлагался только в частных школах и в наиболее престижных государственных.

подъездная дорожка вела к особняку от главных ворот, огибая то купу деревьев, то холм с беседкой. По одну сторону дороги тянулось Озеро, окаймленное небольшой рощицей, по другую – живописные лужайки. Ближе к главному зданию парк уже не пытался притворяться «естественным»: там царили цветники, прихотливо проложенные дорожки, мраморные статуи, боскеты[6] и кульминация всего – огромный садовый лабиринт, тисовые стены которого поднимались гораздо выше человеческого роста.

Айрис с первого дня в школе хотела попасть в лабиринт, но ходить туда было запрещено как ученицам, так и преподавателям. «Ради их же безопасности, – пояснила миссис Эндрюс. – Заблудятся и перепугаются, как бы не было беды». Лабиринт был большим и запутанным и находился на порядочном расстоянии от здания школы, так что крики о помощи мог никто и не услышать. Чтобы внутрь точно никто не проник, высокие кованые ворота лабиринта запирались. Открывали их только в родительские дни, и тогда туда могли заходить девочки и их родители, но всегда в сопровождении одного из садовников.

Айрис увидела в окно, как мистер Наттинг и еще один садовник, имени которого она не знала, шли по тропинке. Наттинг махал руками, то ли на что-то указывая, то ли что-то чертя перед собой в воздухе, – чего со степенным мисте-

---

[6] Боскет – плотно высаженные деревья, которые образуют сплошные стены, арки, различные геометрические фигуры и т. п.

ром Наттингом обычно не случалось. Шли они в сторону лабиринта, спиной к Айрис, но та была уверена, что Наттинг громко говорил, даже кричал.

Она поняла вдруг, на что он указывал. Над лабиринтом кружила крупная черная птица. Сделав пару кругов, она опустилась вниз. Через какое-то время еще две поднялись в небо над рощей, полетели прямиком к лабиринту и нырнули в него приблизительно в том же месте, что и первая птица.

Наверняка были еще птицы – поэтому Наттинг с помощником и побежали туда.

Провозившись немного с замком на воротах, садовники скрылись за зелеными стенами.

Какое-то время ничего не происходило, если не считать еще одного ворона, прилетевшего из рощи, но потом, минут пять спустя, больше десятка птиц одновременно поднялись над лабиринтом с недовольным громким карканьем, которое было слышно даже отсюда.

Айрис посмотрела на девочек – все прилежно писали в тетрадях. Она встала из-за стола и прошлась по комнате, чтобы немного успокоиться. Сердце бешено колотилось в груди, горло неприятно сдавило.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. В классной комнате зеркал не вешали, но она боялась, что лицо у нее выглядело испуганным, а это могло в свою очередь встревожить учениц. Сделав несколько кругов, Айрис снова села за стол – как раз в тот момент, когда из ворот лабиринта выбе-

жал второй садовник, имени которого она не знала, и со всех ног помчался к главному зданию.

Девочки старательно писали эссе, лишь изредка приподнимая головы от тетрадей, – Айрис в этот момент отворачивалась от окна и старалась сделать самое скучающее лицо, какое только могла.

В парке больше ничего не происходило, зато за несколько минут до конца урока дверь класса открылась, и мисс Петти передала Айрис записку.

В ней говорилось, что нужно сообщить ученицам, что остальные занятия на сегодня отменены, и все по случаю отличной погоды отправляются в спортивный центр, где их ждут игры, после чего – пикник на берегу реки и купание в бассейне.

Десятки мыслей разом взметнулись в голове, точно те птицы над лабиринтом, и среди них выделялась одна. Пугающе ясная.

Теперь Айрис уже не сомневалась, что нашли садовники.

Именно поэтому отменили все занятия и даже обед в столовой: ее окна выходили на ту часть парка, где находился лабиринт. Девочек несколько часов продержат там, откуда они точно не увидят ни подъезжающие полицейские машины, ни носилки с телом.

Айрис сложила записку обратно в аккуратный квадратик. Пальцы похолодели и не слушались – точь-в-точь как у героини романа.

Банальный и надоедливый штамп, она сама ругала себя за это. Но ведь все на самом деле так и было: пальцы не слушались.

Айрис громко объявила, что работы нужно сдать через три минуты, и отложила записку на край стола.

Она не хотела больше смотреть туда, но, точно под гипнозом, повернулась к окну и нашла взглядом ярко-зеленую громаду лабиринта, в бесконечных изгибах которого лежало тело Памелы Моррис.

Глава 2. Мисс Моррис

Пока полицейские работали, а девочки резвились в противоположной части парка, те учителя, что остались в школе, собрались в комнате отдыха. Вид у всех был потрясенный.

Как ни мало они знали о случившемся, одно было очевидно – мисс Моррис убили.

До того как в Монтроуз приехала полиция и констебль увел обоих садовников для допроса, один из них рассказал, что тело было засыпано землей. Вряд ли жертва несчастного случая стала бы так старательно заметать за собой следы.

Мисс Петти, заместитель директора, и мисс Браун, учительница математики, снова и снова задавали Айрис вопросы, на которые она не меньше двадцати раз ответила вчера, и с того времени ничего не изменилось: нет, она не слышала, когда мисс Моррис ушла, и нет, они ни о чем подозрительном не говорили предыдущим вечером или когда бы то ни было еще.

Айрис и без того едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. Она не считала себя такой уж чувствительной девушкой, но Пэм… Они почти месяц жили в одной комнате, пусть и не всегда ладили. Пэм без особой охоты, но все же рассказывала ей о порядках в школе, объясняла, где в ближайшей деревушке лучше покупать печенье и чай, как удобнее всего добраться до станции и от кого из учениц ждать подвоха.

Она была такой умной, цельной, правильной. С ней не могло случиться ничего плохого, просто не могло. И все же она каким-то образом оказалась ночью в запертом лабиринте, и там… Там произошло что-то ужасное.

От продолжения допроса Айрис спасло появление директрисы Чилтон. Она поговорила с полицейскими, но не узнала новых подробностей, и поэтому произнесла длинную речь, посвященную исключительно тому, что учителя должны сделать все, чтобы не допустить распространения новостей среди учениц и их родителей.

– Боюсь, это невозможно, – с сомнением покачала головой мисс Флинт, дама устрашающего вида, которая, несмотря на внушительный бюст, казалась Айрис переодетым мужчиной. Возможно, именно невероятные размеры внушили Айрис подозрение, что бюст мог оказаться накладным. – Полиция наверняка захочет допросить и девочек тоже. Они тоже были здесь, как и мы, и кто-то…

– Я постаралась донести до полицейских мысль, – оборвала ее директриса Чилтон, – что девочки не могут иметь к этому никакого отношения и опрашивать их бессмысленно. Они всегда находятся под присмотром взрослых, общежитие запирается на ночь, к тому же… Мне кажется… – холодная уверенность на миг слетела с нее. – Это все равно не мог сделать ребенок. Чтобы убить человека, требуется изрядная сила. И изрядная жестокость.

Айрис не знала, требовалась ли для убийства Пэм сила,

но в чем она не сомневалась, так это в том, что среди учениц были очень физически развитые. Стоило один раз увидеть их тренировки по лакроссу или гимнастике, и становилось очевидно, что девушки шестнадцати-восемнадцати лет немногим уступали в силе взрослому человеку. Айрис подозревала, что некоторые из них могли оказаться даже сильнее мужчины, который не занимался спортом, к примеру банковского клерка.

Но ей тоже совершенно не хотелось думать о том, что кто-то из девочек способен на убийство. Как и о том, что это мог сделать кто-то из учителей. Но тогда кто? И зачем? И почему в лабиринте?

Директриса тем временем все говорила и говорила о репутации школы. Больше всего она боялась не убийцы, который, возможно, до сих пор бродил поблизости или даже находился в этой самой комнате, а того, что родители могли испугаться и забрать дочерей из школы.

Айрис и поражалась этому невероятному равнодушию к судьбе Пэм, и понимала, что в чем-то мисс Чилтон права: та отвечала не за себя одну, от нее зависело благополучие всего заведения и нескольких десятков его сотрудников. Наверное, именно такие люди, не склонные к сантиментам, решительные и прагматичные, и должны занимать директорское кресло.

Мисс Чилтон взвалила на себя бремя управления школой точно не ради денег: она действительно хотела сделать Мон-

троуз самой сильной и самой престижной школой в стране, под крышей которой соберутся талантливые девочки из лучших семей. Сама директриса – об этом Айрис узнала буквально в первый же час в Монтроузе – была дочерью барона и происходила из старинной и весьма состоятельной семьи. В деньгах она не нуждалась, но была одержима идеей возглавить этакий «Итон для девочек». Этот титул оспаривали несколько школ, но пока он не принадлежал ни одной из них, а значит, у Монтроуза и мисс Чилтон оставались шансы на победу.

Когда речь завершилась, в комнате отдыха повисла тяжелая удушливая тишина. И хотя на обычных собраниях всегда находилась куча желающих задать вопросы или высказать свое мнение, сейчас все молчали. Но не потому, что ничего не хотели спросить, – все сидели, точно оглушенные.

Десять минут спустя дверь комнаты отдыха открылась, и тихо, точно крадучись, туда просочилась миссис Джаст, главная кухарка, с подносом маленьких сэндвичей-«пальчиков» и сконов. Совсем не похоже на нее – обычно она ступала важно, по-хозяйски. Да и еду она сама никогда не разносила.

Миссис Джаст принесла новости: полицейские, долго беседовавшие с Наттингом в одной из классных комнат на первом этаже, наконец-то отпустили его. Он пришел на кухню и попросил чаю – «Весь трясется, бедный».

– Я поговорю с ним. – Директриса тут же направилась к дверям.

– Может быть, его сюда позвать? – предложила миссис Джаст.

– Нет-нет, я поговорю с ним на кухне. Мистер Наттинг наверняка сильно расстроен.

Учителя были разочарованы: они ожидали услышать рассказ очевидца, узнать наконец, что произошло в лабиринте, а директриса лишила их этой возможности.

Прошло десять минут, но никто больше не приходил, ни директриса, ни хотя бы кто-то из полиции. Ожидание делалось все более мучительным.

Айрис предупредили, что с ней, как с соседкой погибшей, будут беседовать одной из первых. Еще ей сказали, что полицейским необходимо осмотреть их с Пэм комнату, и оставалось только надеяться, что они сообразят, где кончается территория Пэм и начинается ее, и она, когда вернется, не увидит свои шкаф и комод перерытыми и выпотрошенными.

Айрис просто поверить не могла, что ее опять будет допрашивать полиция и она опять оказалась каким-то образом связанной с убийством. Уже в третий раз… Как это могло произойти? Она чувствовала растерянность, как будто посреди спектакля, для которого она отрепетировала каждое слово, ей вдруг выдали чужую роль, и она теперь не знала ни единой реплики. Над таким совпадением, не будь оно связано со смертями, можно было бы даже посмеяться. Но Айрис злилась, хотя и не понимала, на кого или на что. На случай? На судьбу? На свою же собственную неудачливость?

Предыдущие двадцать с лишним лет ее жизни прошли спокойно и ничем примечательным не отличались. Она не сталкивалась с преступлением серьезнее, чем кража молока с крыльца дома или воровство книг из библиотеки колледжа, – да и те вернули через пару месяцев. Еще у студентов постоянно воровали велосипеды, но в Оксфорде это даже не считалось настоящим нарушением, скорее чем-то вроде местной неприятной особенности, как дурная погода. Но в последний год что-то пошло не так. Все началось с поездки в Эбберли, потом буквально через три месяца случилась трагедия в доме Шелторпов, а теперь вот это…

После случая с Фрэнсисом Лайлом прошло больше восьми месяцев, и на их протяжении ничего, совершенно ничего не происходило. По крайней мере, ничего, сопоставимого с убийством. Конечно, события были: Айрис на Рождество встретилась в Лондоне с друзьями, погостила в Йорке у подруги по колледжу и закончила работу в библиотеке Эбберли. И вот от этого было немного грустно… И даже не немного.

Ряды книг в Эбберли казались неиссякаемыми, а перестановки на полках грозили никогда не закончиться, но все же пришел тот день, когда Айрис поняла: работы осталось на пару недель. А потом – все.

К концу апреля она разобрала остатки книг, а в начале мае вернулась в Лондон и снова поселилась у матери. Дэвид предлагал ей остаться в Эбберли, на этот раз уже в качестве

просто гостьи – все равно об их отношениях уже все знали. Еще он предлагал ей работу в своей компании – даже не обязательно в том же офисе, что и он сам, – но Айрис, видимо, была иначе воспитана. Наверное, она бы смогла принять его помощь, если бы между ними не было такой разницы: например, у ее родителей тоже было бы полно денег, или Дэвид происходил бы из семьи попроще. Но так… Айрис и без того казалось, что многие, в том числе родня Дэвида, видят в ней охотницу за богатым мужем.

В Лондоне она сразу же занялась поисками работы, но поначалу без особого успеха. Она по три-четыре раза в неделю давала частные уроки девушкам, которые готовились к поступлению в колледж, но постоянного места не находилось – чаще всего из-за того, что требовалось уехать далеко от Лондона. Наконец в начале июня она получила письмо из школы Монтроуз-Холл. Айрис слышала о ней раньше и даже не рассчитывала, что ее с таким небольшим опытом могут пригласить в знаменитую школу, где учились дети из аристократических или же просто состоятельных семей. Скорее всего, сыграли роль оксфордский диплом, отличные рекомендации и несколько месяцев работы на Вентвортов.

Школа Монтроуз находилась в западной части Кента, всего в часе езды от вокзала Чаринг-Кросс; прочие условия тоже подходили, и Айрис уже через несколько дней отправилась на собеседование.

С ней разговаривали директриса Чилтон и мисс Петти, и

уровень знаний Айрис по истории их как будто бы мало интересовал. Очевидно, они решили, что раз она окончила Сомервиль с отличием первого класса, то это о чем-то да говорило. Оценивали ее по совсем иным критериям: достойна ли она обучать девочек, чьи родители платили четыреста фунтов в год, хорошие ли у нее манеры, прилично ли одета, нет ли провинциального выговора и так далее. Место в школе ей предложили сразу после собеседования, правда, не вполне учительское. Директриса сказала, что хотя у учениц прекрасная дисциплина, и девочки очень мотивированны, Айрис может не справиться с целым классом, поэтому первые месяцы ей предложили заниматься с маленькими группами учениц старших классов, которые прицельно готовились к поступлению в Оксфорд.

Айрис приняла предложение и в конце июля приехала в Монтроуз. Пэм Моррис стала одной из первых учительниц, с кем она познакомилась.

Несмотря на все дурные предчувствия, было невозможно по-настоящему поверить, что она мертва, что ее больше нет.

И этот лабиринт… Как Пэм могла оказаться внутри ночью? Зачем туда пошла? Или же ее перенесли после смерти в надежде, что где-где, а в лабиринте тело обнаружат не скоро?

И даже если так, для чего-то же Пэм вышла из Кларенс-Хауса ночью? Сама. Кто и как сумел ее выманить?

Айрис допила чай, ставший уже холодным, и отнесла чашку к маленькой мойке. Мойка находилась в углу комнаты,

возле окна, и через него Айрис увидела, как полноватый полицейский с лысиной в полголовы идет от лабиринта к дому, а за ним, понуро глядя вниз, семенит констебль из деревни. Лысину она рассмотрела только потому, что полицейский снял фуражку и обмахивался ею, как веером.

Айрис могла представить, каково ему было в этой темной, плотной форме. День выдался на редкость жарким для августа, и вся выпавшая за ночь влага поднималась теперь от земли – воздух сделался душным и липким.

– Смотрите, они идут сюда, – сказала Айрис громко, чтобы услышали остальные учителя, после ухода директрисы заспорившие о том, что еще мог увидеть в лабиринте Наттинг.

Разговоры тут же стихли, и мистер Суодлинг, маленький худой старичок, преподававший пение и игру на фортепиано, объявил:

– Ну все, леди и джентльмены, начинается!

Айрис почудилось в его голосе едва ли не предвкушение. Неужели жизнь в школе была настолько скучной, что и допросу радовались?

Констебль вошел в комнату отдыха в сопровождении директрисы Чилтон и объявил, что детектив-сержант Кинг просит подойти для дачи показаний мисс Бирн и затем миссис Эндрюс, остальные же могут подходить в любом порядке – у них свидетельские показания соберут констебли.

Айрис поправила прическу (в школе волосы приходилось собирать в строгий пучок), разгладила складки на юбке, точ-

но полицейским это было важно, сделала глубокий вдох и пошла к двери.

Детективу-сержанту Кингу предоставили для работы кабинет мисс Петти.

Айрис только-только успела поздороваться, как в комнату заглянула секретарь мисс Чилтон и сообщила, что сержанта Кинга вызывают к телефону, звонок из Мейдстона[7]. Кинг извинился и едва ли не бегом покинул кабинет.

Это была одна из самых красивых комнат в школе, потому что в ней сохранилось многое из того, что появилось здесь при Монтроузах: роскошный камин из темно-красного мрамора, бронзовые канделябры по бокам от него и резные деревянные панели на стенах, возможно дубовые. Айрис всегда озадачивали описания комнат в старинных романах: персонажи очень уверенно определяли, что панели на стенах были дубовыми, а вот Айрис совершенно не представляла, как их отличить, к примеру, от ореховых или буковых.

Большую панель над камином украшала резьба: это была целая картина то ли битвы, то ли какого-то веселого празднества. С такого расстояния Айрис не могла рассмотреть в подробностях и различала лишь странные позы фигур, да еще герб в самом верху резной картины был узнаваем: на щите под графской короной была изображена башня Монтроузов. Она часто встречалась в школе – на фронтоне большого до-

[7] Мейдстон – столица графства Кент.

ма, на главных воротах, на резных дверях часовни.

Наверное, Айрис сейчас стоило думать не о геральдике и стенных панелях, но она была рада отвлечься хотя бы на что-то, потому что беседа с детективом-инспектором ее немного пугала.

Пока она сидела в комнате отдыха, ей пришло в голову, что на этот раз она сама в списке подозреваемых. Вряд ли кто-то всерьез на нее подумает – зачем ей убивать соседку, которую она едва знала? – но грудь все равно сжималась от пока легкой, но цепкой тревоги. В конце концов, именно она видела Памелу Моррис последней.

Детектив-сержант Кинг наконец вернулся, еще раз извинился и уселся по другую сторону приставного стола, стоявшего перпендикулярно монументальному столу мисс Петти.

Он сбивчиво дышал, и Айрис видела, как натягивается китель на его объемистом животе, – того и гляди одна из пуговиц не выдержит и оторвется. Во время разговора рука сержанта Кинга несколько раз тянулась к пуговицам, словно по привычке, но потом он вспоминал, что беседует с важным свидетелем и выглядеть надо строго и по всем правилам.

Сначала Кинг во всех деталях расспрашивал Айрис о том, что произошло предыдущей ночью, и никак не мог поверить, что она не слышала ровным счетом ничего. Единственное, что она знала, так это то, что когда она сама уснула, а было это около половины двенадцатого, мисс Моррис лежала в постели, но еще не спала. Лампа для чтения рядом с кро-

ватью была включена, а у Пэм в руках была то ли книга, то ли журнал. Следующее, что Айрис помнила, – утро и стук в дверь.

– То есть человек в одной с вами комнате встал с постели, оделся, открыл дверь, и вы ничего не услышали? – снова уточнил Кинг, словно надеялся, что если задаст тот же вопрос в четвертый раз, то получит иной ответ.

– Я привыкла. В колледже у меня была очень шумная соседка по комнате.

– Хорошо, допустим, вы действительно ничего не слышали. Но, может быть, что-то важное произошло вечером? Может быть, мисс Моррис говорила о чем-то, что ее беспокоит, или что она собирается куда-то пойти?

– Ничего такого не было. И мы с мисс Моррис не так уж много разговаривали. Только по делу. Я хочу сказать, что если бы она собиралась с кем-то встретиться, то не стала бы делиться со мной.

Айрис чувствовала неловкость, еще и детектив-сержант смотрел на нее едва ли не осуждающе. Словно то, что они жили с Пэм Моррис в одной комнате, ее к чему-то обязывало: быть в курсе ее планов, знать ее секреты.

Но у них с Пэм и правда не заладилось с самого начала.

Вообще учителя в школе Монтроуз жили по одному в комнате, но как раз тогда, когда приехала Айрис, в учительском крыле шел ремонт. По рассказам мисс Симпсон, линолеум там был настелен лет двадцать назад и весь истерся, а

окна, которые закладывали кирпичом во время Блица[8], так по-хорошему и не привели порядок, – поэтому ремонта все очень ждали. Но с ним были связаны и некоторые неудобства: учителей нужно было куда-то временно переселить, но почти никто из них не уезжал из школы на все лето, разве что на пару недель. Им просто некуда было вернуться: они долгие годы жили в этой школе, а до того в других, и их связи с родными ослабли, если не исчезли совсем. Близких друзей вне школы тоже почти ни у кого не осталось. Только несколько молодых учительниц уехали к родителям, остальных же разместили в ученическом общежитии.

Девочки из младших классов спали в больших дортуарах по десять-двенадцать человек, через два года их переводили в дортуары поменьше, по восемь человек, потом в совсем небольшие – всего на четверых. А те, кто шел в шестой класс (а таких в Монтроузе было большинство), наконец-то могли жить каждый в своей собственной комнате или, при желании, по двое. Старшеклассницам отвели два отдельных общежития, чтобы они могли спокойно и сосредоточенно заниматься: Кларенс-Хаус и Рочфорд-Хаус. Первый на лето как раз и отдали в распоряжение преподавателей. Так Айрис оказалась в Кларенс-Хаусе в одной комнате с Памелой Моррис.

Ей сказали, что это ненадолго, ремонт должен был закон-

[8] Блиц – бомбардировки Великобритании германской авиацией в 1940–1941 годах. Графство Кент, находившееся на пути следования бомбардировщиков к Лондону, сильно страдало от авиаударов и в годы войны получило прозвище «Дорога бомб» (Bomb alley).

читься в двадцатых числах августа, и он действительно завершился на прошлой неделе, но еще несколько дней требовалось на то, чтобы все проветрить и расставить мебель, так что официальный переезд в новенькое учительское крыло назначили на этот четверг. Даже планировался праздничный ужин.

Правда, Айрис сомневалась, что завтра в Монтроузе будут что-то праздновать.

В комнату на третьем этаже Кларенс-Хауса Айрис привела миссис Эндрюс. Спальня Айрис понравилась: просторная, светлая, с тремя большими окнами. Нежно-розовые обои с букетами цветов выглядели старомодно, но очень красиво, и делали комнату теплой и уютной. Бледно-золотистый паркет слегка поскрипывал под ногами, но это было единственным недостатком, к тому же мелким.

Соседка поприветствовала Айрис сдержанно. Как только миссис Эндрюс ушла, Пэм взяла со стола блокнот и книгу, сказала: «Не буду мешать», – и скрылась за дверью. Айрис даже рассмотреть ее толком не успела. В глаза бросились гладко зачесанные назад белокурые волосы, круглые щечки, очки в проволочной оправе и высокий рост.

Так прошла их первая встреча.

Позднее Пэм без желания, но отвечала на вопросы Айрис про общежитие, правила школы и то, какие магазины есть в Хоклифе, ближайшей к школе деревне, но сама не прилагала усилий к поддержанию беседы. Каждый раз, как Айрис заго-

варивала с ней, Пэм спустя несколько вопросов пододвигала к себе стопку тетрадей, или учебник, или книгу, или блокнот и начинала задумчиво их изучать. Айрис так и не поняла – на самом деле Пэм была так занята или же притворялась, чтобы избежать разговоров с ней?

Айрис не собиралась навязывать свое общество кому бы то ни было, хотя изредка по инерции заговаривала с Пэм о чем-то вроде книг или жутко костлявой рыбы, поданной на ужин. Пэм отвечала что-то банально-вежливое, Айрис снова ругала себя за то, что мешает человеку, который не желает с ней общаться, и уходила в свою часть комнаты. Но вот «происшествие» с учебником латыни, пусть и неприятное, сделало ситуацию чуть более понятной для Айрис.

Пэм Моррис была строгим и требовательным преподавателем. Она вела латынь и английский у младших классов (в старших их преподавали более опытные учителя), и даже летом, когда уроков проводилось очень мало, каждый день назначала дополнительные занятия, а по вечерам в дверь к ней стучались ученицы, которым она давала особые задания за плохое поведение или же плохую успеваемость. Их с Айрис столы стояли вплотную друг к другу, и Айрис видела, что за задания это были: спряжения нескольких десятков латинских глаголов, две или три страницы перевода, иногда просто пятьдесят или сто строк на переписывание. У девочек должно было уйти все их послеобеденное время на то, чтобы это сделать. А ведь сейчас были каникулы… Особенно Ай-

рис было жаль одну пухленькую тихую девочку из второго класса, которая приносила тетради по латыни почти каждый вечер, протягивая их дрожащими руками и едва сдерживая слезы. А Пэм каждый вечер все в них перечеркивала.

Однажды Айрис не удержалась и спросила, зачем этой девочке вообще учить латинский язык, если он необязательный. Даже если у семьи были некие амбиции, и они мечтали, что их дочь поступит в Кембридж или Оксфорд (что вряд ли – обычно родители мечтали о том, чтобы дочь удачно вышла замуж), то латынь при поступлении уже пять лет как не требовалась. Зачем тогда мучить двенадцатилетку языком, который ей не дается?

Пэм ответила, что таково желание отца девочки. Он считал знание латыни и древнегреческого признаком достойного образования. Его дочь мало что усвоила за прошлый год, и надежды возлагались на дополнительные занятия летом, но знания почти не улучшились.

Айрис казалось, что причина была вовсе не в том, что девочка не старалась или была недостаточно умна; она просто испытывала ужас то ли перед самим предметом, то ли перед учительницей.

С ней самой в школе случилось нечто подобное. Она пропустила год из-за болезни, и бывшие одноклассницы нарассказывали ей ужасов про физику, так что она пришла на первый урок, уже сжимаясь от дурных предчувствий. Учитель нагнал еще больше страху. Мистер Стоутон искренне считал

бесполезными и даже вредными новомодные идеи, что девочкам нужно преподавать биологию, физику и химию. По его мнению, английского, французского, литературы, математики и истории им было вполне достаточно. Раньше мальчики и девочки, учившиеся в одном классе, разделялись: мальчики шли на физику или химию, а девочки – на уроки искусства или ведения домашнего хозяйства; и сейчас мистера Стоутона ни капли не радовали девочки, вторгшиеся в его кабинет и трогающие его прекрасное оборудование. Он считал их безнадежными и всячески давал это понять. На уроках Стоутона Айрис от страха впадала в такой ступор, что не понимала, что учитель говорит. С тем же успехом он мог бы давать объяснения на китайском. Когда урок заканчивался, она даже не могла вспомнить, о чем он был. К счастью, после рождественских каникул мистер Стоутон покинул школу и больше не возвращался.

Айрис казалось, что с маленькой второклашкой происходило то же самое: она не была глупа – просто убедила саму себя, что ей ни за что не осилить латынь.

Учителя поменять было невозможно, так что Айрис подумала, что может помочь смена учебника. В колледже у нее была прекрасная и немного безумная преподавательница латыни, и с теми, кто не изучал этот язык в школе, она работала по учебнику Ханса Эрберга. В нем не было устрашающих таблиц и длинных правил, просто короткие тексты, которые были составлены таким образом, что, казалось, происходит

магия – ты не знаешь языка, но все равно понимаешь все, что написано.

– Вы не слышали об учебнике Эрберга, мисс Моррис? – спросила Айрис. – Он как будто для детей написан! А тому, кто уже изучал латынь, будет еще про…

Айрис замолчала на полуслове, увидев, как поменялось лицо Пэм: губы сжались в нитку, а равнодушный усталый взгляд так и полыхнул яростью.

– Разумеется, я знакома с учебником Эрберга, мисс Бирн, – процедила Пэм. – Или вы думали, что только в Оксфорде разбираются в латыни?

– Я не имела в виду… – начала Айрис, но Пэм не дала ей договорить.

Она поднялась со стула и едва ли не выкрикнула Айрис в лицо:

– С чего вы вообще решили, что можете давать советы относительно моих учеников?! – Щеки Пэм порозовели от гнева, но одновременно в глазах было что-то такое, точно Пэм была готова расплакаться. – И это при том, что у вас нет никакого опыта работы с детьми! Если бы он был, то вы бы знали, что не в учебнике дело! Дело в старании! Правила одни и те же, как ни объясняй, и ваш новомодный Эрберг ничуть не понятнее…

Но тут со стула встала Айрис:

– Успокойтесь, пожалуйста, мисс Моррис. Я не хотела вас обидеть. Простите, мой совет был неуместен. Но вы не име-

ете никакого права разговаривать со мной в таком тоне.

Пэм замерла. Она смотрела на Айрис, хлопая глазами, словно не помнила, что только что произошло. Потом она резко развернулась и выбежала из комнаты.

Айрис понятия не имела, где Пэм провела оставшуюся часть вечера. Вернулась она, когда Айрис уже лежала в постели и читала книгу.

Она понимала, что случайно наступила на больную мозоль Пэм, но зато узнала, в каком месте мозоль находилась. Пэм злило, что, несмотря на то что она была старше Айрис и проработала в школе несколько лет, ей до сих пор доверяли лишь младшие классы, и только на лето дали группу шестиклассниц, потому что другая учительница уехала к родным. А Айрис, которая только-только заявилась в Монтроуз, сразу дали самые старшие классы, оба шестых[9] и даже подготовительный седьмой. И все просто потому, что та училась в Оксфорде.

На месте Пэм Айрис тоже было бы обидно, но она бы не стала вымещать злость на другом человеке. В конце концов, Пэм Моррис сама закончила Монтроуз. Что мешало ей потом поступить в университет? Уж точно не Айрис.

Разумеется, Айрис знала, что мешало ее соседке. По одежде и вещам было видно, что даже если бы она сдала экзаме-

[9] Шестой класс – два последних года обучения в школе: младший шестой класс и старший шестой класс. Обязательным являлось обучение до пятого класса (до шестнадцати лет). В шестой шли те, кто планировал поступать в высшие учебные заведения.

ны и поступила в Сомервиль или в Леди-Маргарет-Холл[10], ее семья просто не смогла бы платить за обучение.

Айрис разрывалась между сочувствием к Пэм и неприязнью. Ее неприкрытая недоброжелательность, даже грубость, не могла не злить.

К тому же в учебнике Эрберга не было никаких правил, тем он и был непохож на другие. Ни единого правила. Значит, Пэм о нем даже не слышала. Она соврала, лишь бы ни в чем не уступить противной оксфордской всезнайке мисс Бирн.

Детектива-сержанта Кинга, конечно же, не устроил ответ, что Айрис ничего про Пэм не знает, потому что они мало общались. Он спрашивал ее, где Пэм проводила выходные, куда ходила, с кем переписывалась, были ли ссоры, был ли у нее молодой человек – десятки вопросов. Айрис не смогла ответить ни на один. Она понятия не имела, чем занималась Пэм, когда не вела занятия и не проверяла тетради. Она куда-то уходила, но Айрис не знала – в соседнюю ли комнату или в ближайшую деревушку.

– Думаю, вы что-то скрываете, мисс Бирн, – сказал наконец сержант Кинг, точно утомившись от расспросов. – Быть того не может, чтобы две молодые девушки прожили месяц в одной комнате и не знали ничего друг про друга!

– Мы не стали за это время подругами.

---

[10] Колледж Сомервиль, колледж Леди-Маргарет-Холл – женские колледжи в Оксфорде.

Кинг с сомнением посмотрел на Айрис:

– Предположим, что так. Но тогда, кто знал ее лучше, чем вы? Она с кем-то дружила?

– Мне кажется, близкой дружбы у нее ни с кем здесь не сложилось. Знаете, учителя иногда договариваются вместе пойти в деревню, в чайную или в парикмахерскую своей компанией… Но Пэм… мисс Моррис никогда с ними не ходила. Разве что с мисс Симпсон… Но и то я не уверена.

– Мисс Симпсон – это учительница?

– Да, она ведет спортивные игры. И тоже окончила Монтроуз. Не знаю, были ли они настоящими подругами, но мисс Моррис общалась с ней больше, чем с другими. Возможно, дело просто в том, что здесь мало молодых учителей, а с теми, кто старше, нам тяжело найти общий язык.

Детектив Кинг что-то черкнул в помятом блокноте, а потом спросил:

– Есть у вас какие-нибудь догадки, кто мог желать мисс Моррис зла? Проблемы? Ссоры?

– Ничего такого не слышала, – снова покачала головой Айрис, думая, говорить про их ссору из-за учебника или нет. Если Пэм рассказала про нее кому-то в школе, а потом выяснится, что Айрис солгала, будет только хуже. – Но, если честно, мы с ней немного… слегка поругались… И мы не разговаривали с прошлого четверга.

– Как интересно, – детектив-сержант Кинг встрепенулся. – Из-за чего была ссора?

Айрис заерзала на стуле. Ей все меньше нравилось направление беседы.

– Мы поспорили из-за учебника латыни. Я дала мисс Моррис непрошеный совет насчет обучения одной из девочек, а она вспылила.

После того как Айрис пересказала их разговор в тот вечер, Кинг спросил:

– А часто с ней такое происходило? Когда она вот так вот… на людей бросалась.

– Она не бросалась на людей, – поправила его Айрис. – Просто была несдержанна. Но бывало ли с ней такое раньше, я не знаю.

– А какие отношения у нее были с ученицами?

– Господи, вы же не думаете!.. – воскликнула Айрис. – Ученицы не могут ночью выйти из общежития, и к тому же…

– Еще как могут! В позапрошлом году мы искали вашу же ученицу, которая ночью сбежала и пыталась пешком добраться до станции. Девочке едва исполнилось одиннадцать! Брат моей жены тоже сбегал из школы. Проехал на велосипеде чуть не десять миль до дома своей бабки. А про короткие вылазки никто даже не узнает. Это только учителя думают, что дети послушно засыпают в девять вечера, – усмехнулся детектив Кинг. – И вы так и не сказали, мисс Бирн, как к ней относились ученицы?

– Не знаю… Мне показалось, она была довольно строгой.

Дети ее побаивались. Не так, как боятся мисс Браун, учительницу математики, но все-таки. И еще была какая-то история с шестым классом. Они кажется, сорвали урок или что-то вроде того. Когда я приехала сюда, девочки еще отбывали наказание: их не брали на прогулки, и они должны были идти в постель в шесть вечера. Но подробностей я не знаю.

– Я это проверю. – Кинг вынул из кармана платок и промокнул взмокшую лысину. – И еще вопрос: может быть, вы слышали, как кто-то говорил о лабиринте? Например, о том, как туда попасть или что-то в этом роде.

– Нет, я никогда не слышала. То есть про него говорила миссис Эндрюс, сестра-хозяйка, но я сама ее спросила. Я когда только сюда приехала, подошла к лабиринту и увидела, что он заперт, а мне очень хотелось туда попасть.

– И что сказала миссис Эндрюс?

– В родительские дни и еще, кажется, в июле дом и парк открывают для посещения. Вы, наверное, знаете, поместье же отчасти музей.

– Конечно, знаю, мисс Бирн, – ответил Кинг. – Я живу всего в шести милях к югу. Мы с женой каждый год сюда приезжаем. А не говорила ли вам сестра-хозяйка, где хранятся ключи? Какие-то другие подробности?

– Нет, не говорила. Но я бы и сама догадалась. Я видела, как садовники подравнивали стены и заходили внутрь. Значит, у них есть ключи. Храниться они могут или в том

домике с лопатами и ведрами, который ближе к конюшням, или лично у мистера Наттинга. Мисс Моррис работала здесь два года, а до того семь лет училась. Думаю, она знала, где взять ключи. Если, конечно, это она открыла лабиринт. Может быть, это был кто-то другой. Второй человек.

– Это мы обязательно выясним, мисс Бирн. А сейчас…

– О боже! Лабиринт! – вдруг воскликнула Айрис.

– Что такое, мисс Бирн? Что-то вспомнили? – Сержант Кинг вытянулся вперед.

– Да, одну мелочь, но все же это странно… Наши с мисс Моррис рабочие столы стоят рядом, я проверяла эссе у своих учениц, а мисс Моррис… Не знаю, что она делала, но она сидела за столом. Я встала, чтобы закрыть окно, – по другую сторону лужайки теннисные корты и площадки для нетбола, и было очень шумно. Когда я вернулась к столу, то случайно заметила, что перед мисс Моррис лежит блокнот, а в нем большой рисунок лабиринта, на целый разворот.

– Тот самый лабиринт, что в саду?

– Не знаю. Я видела его одну секунду. И даже если бы дольше, я бы вряд ли сумела отличить один лабиринт от другого. Хотя… – Айрис изо всех сил старалась напрячь память. – Он был очень похож, но уверенности у меня нет.

– Любопытно, любопытно, – проговорил Кинг, делая очередную запись в блокноте. Его левая рука опять потянулась к пуговице, и он снова ее отдернул. – А мисс Моррис как отреагировала на то, что вы увидели лабиринт? Что-то сказала?

– Разумеется, ничего. Это было еще до нашей ссоры, но мы и тогда не особо много разговаривали. Но ей не понравилось, что я видела лабиринт. Она сразу перелистнула страницу, как будто хотела скрыть рисунок.

– А что было на другой странице? Тоже лабиринт?

– Нет, какие-то зарисовки. Листья, кажется… Да, точно. Несколько штук были нарисованы схематично, а один – как живой, со всем прожилками. Я даже хотела сделать комплимент. Но не стала. Мисс Моррис это не порадовало бы.

– Значит, это был альбом для рисования?

– Нет, это был небольшой блокнот, размером со школьную тетрадь или даже чуть меньше. Красная кожаная обложка. Мисс Моррис закрыла его и убрала в стол, когда я села на свое место. Мне кажется, она решила, что я буду подглядывать. Честно, я не собиралась! Просто когда чуть не локтями друг друга задеваешь, то поневоле заметишь.

Детектив-сержант снова достал платок и отер лоб:

– Ну, на этом, пожалуй, все, мисс Бирн. Больше вопросов у меня нет.

Айрис с облегчением выдохнула. Она весь разговор просидела в сильном напряжении, хотя не смогла бы сказать, что именно ее так пугает.

– И прошу вас в ближайшие дни не уезжать за пределы графства, – добавил детектив Кинг.

– Что? Почему? Вы меня подозреваете? – растерянно проговорила Айрис.

– У нас могут возникнуть вопросы. Спасибо вам за рассказ, мисс Бирн.

Кинг встал из-за стола и пошел к двери, чтобы открыть ее перед Айрис. Настоящий джентльмен…

Но, вполне возможно, Кинг сделал это для того, чтобы отдать распоряжение констеблю, ждавшему в коридоре:

– Кто там осматривает комнату? Перкинс? Передай, чтобы искали в вещах блокнот. Небольшой, красная кожаная обложка. Внутри рисунки лабиринта и листьев. – Кинг обернулся к Айрис: – А какие там были листья, мисс Бирн? Не помните, случайно? Дуб? Клен?

– Остролист.

– Как на Рождество?

– Нет, на Рождество рисуют обычно три листа и с ягодами. А это были одиночные листья.

Сержант Кинг кивнул и повернулся к констеблю:

– Ты слышал. Выполняй.

Беседы с преподавателями еще не закончились, а подробности о смерти Памелы Моррис уже разлетелись по школе. Кто-то из кухонных работниц слышал разговор Наттинга с директрисой, передал все главной кухарке миссис Джаст, а до Айрис все дошло через миссис Эндрюс, которая пришла к ней в комнату, чтобы посмотреть, что там натворили полицейские.

Наттинг рассказал, что поначалу обратил внимание на

слетающихся к лабиринту воронов. Он решил, что там валяется дохлая птица или какая-нибудь зверушка вроде лисы. Падаль нужно было немедленно убрать, потому что такие у воронов повадки: стоит одному что-то приметить, и скоро птицы слетятся со всей округи. Он отправил своего помощника Босли за ключами от ворот лабиринта, которые хранились в домике с садовым инвентарем. Пока Босли ходил за ключами, в голову Наттинга пришла уже другая мысль, куда менее приятная, чем первая, о мертвой лисице. Он подумал про пропавшую учительницу и именно поэтому, когда Босли вернулся, вместе с ним побежал к лабиринту.

Он до конца надеялся, что ошибся, – ведь вчера лабиринт осматривали, но лабиринт Монтроуза по праву считался одним из самых больших, запутанных и сложных в стране, и вполне могло случиться, что Босли пропустил какой-то поворот. «Нужно было пойти самому», – повторял он. Наттинг проработал в Монтроузе двадцать лет, но все равно иногда путался, хотя лично, вот этими самыми руками восстанавливал полузаброшенный лабиринт, который превратился в непроходимую чащобу, а потом не по разу в год подравнивал стены.

Наттинг с Босли не сразу отыскали тот закуток, куда слетались вороны. Когда все же нашли, то увидели, что земля там была перекопана и насыпана неровной кучей, а вода после ночного ливня промыла в мягкой почве неглубокую бороздку, вроде ручейка. И вот там-то и обнажилась полоска

исклеванной и изорванной воронами плоти.

Наттинг надел садовые перчатки и отгреб в сторону землю, превратившуюся сейчас в жидкую грязь. Сомнений больше не было – вороны клевали синюшно-бледную и худую человеческую руку.

Наттинг остался отгонять от тела птиц, а Босли помчался предупредить директрису и позвонить в полицию. Когда приехал констебль, он сменил Наттинга на его посту, и что было дальше, Наттинг не знал.

Глава 3. Марлоу-Хаус

Вечером полиция задержала Джона Босли, садовника.

Еще днем его увезли в полицейский участок в Раскомбе, чтобы провести допрос по всем правилам, но никто даже подумать не мог, что обратно уже не выпустят.

Мисс Чилтон, хотя новости пришли довольно поздно, отправилась в Раскомб, лично побеседовать с детективом Кингом, а на обратном пути заехала к Босли домой, к его семье. Вернулась она через два часа после ужина, но все равно собрала учителей в комнате отдыха: она знала, что все просто жаждут узнать подробности. Босли задержали потому, что вчера именно он обходил лабиринт. В это время тело мисс Моррис уже лежало там. Как было не заметить гору перекопанной земли? Детектив-сержант Кинг отказывался верить, что садовник случайно пропустил именно тот поворот; он подозревал, что Босли или сам зарыл тело и, естественно, не сообщил о нем, желая выиграть время, или же кого-то покрывал. В любом случае он был причастен. Его жена и тесть утверждали, что он не покидал дом в ночь убийства. Но, во-первых, Кинг не доверял показаниям близких родственников: они могли крепко спать и ничего не услышать, а могли и сознательно лгать и выгораживать. Во-вторых, точное время убийства Пэм Моррис пока не установили, так что семья в принципе не могла обеспечить алиби – вдруг убийство про-

изошло не в ночь исчезновения, а, к примеру, ранним утром или вообще во время поисков.

Получалось, что пока коронер не выдал официального заключения, Кинг был волен задерживать кого угодно. Тем более у него было наготове другое обвинение – в соучастии, которое не предполагало присутствия на месте преступления точно в момент убийства.

Учителя выглядели напуганными и подавленными. Даже споры о том, мог ли садовник действительно быть виновен, оборвались, едва начавшись, точно увязли в вязкой тишине.

Все это случилось слишком неожиданно и совсем не вязалось с понятной и упорядоченной жизнью школы. Здесь все происходило на виду, в точно определенное время, жизнь подчинялась расписанию и была строго распланирована на несколько недель вперед. Так продолжалось десятилетиями. Даже опоздание учителя на урок казалось вещью невероятной, что говорить об исчезновении. А убийство в школьном парке попадало в категорию невозможного, такого, что не укладывалось в голове.

Айрис очень хотелось спросить, не известно ли чего-то важного не о Босли, а об обстоятельствах преступления, но не решалась. Она проработала в Монтроузе месяц, а новые учителя тут считались кем-то на полпути от ученицы к преподавателю. Она чувствовала, что даже простой вопрос нарушит здешнюю иерархию.

Так что она промолчала. Никто другой тоже не задал ни

одного стоящего вопроса, кроме очень тревожного: «Что будет со школой? Нас ведь не закроют?»

– Разумеется, нет, – ответила мисс Чилтон. – Пока даже неизвестно, имеет ли это событие отношение к школе. В конце концов, обвинения против Босли очень шаткие. Убийцей мог оказаться кто-то проникший в школу снаружи. У мисс Моррис могли быть знакомые… Ограда не является совершенно непроницаемой, так что мисс Моррис могла встречаться с кем-то посторонним. Она часто проводила воскресенья вне школы, могла завести знакомство с неподходящим человеком. Всякое случается с девушками, которые ведут себя неосмотрительно.

Все закивали: конечно, для школы было бы гораздо лучше, если бы оказалось, что Пэм Моррис убил кто-то снаружи, кто-то, с кем она сама была «неосмотрительна». Объяснить родителям, что учительницу убил один из нанятых директрисой садовников, гораздо сложнее – они бы немедленно забрали дочерей из школы, где на них мог напасть кто-то из работников.

Айрис вдруг стало невыносимо жаль Пэм. Наверное, только сейчас впервые по-настоящему жаль, словно до того она не понимала, что та мертва. А сейчас эти умные, расчетливые, но по сути своей ужасные слова директрисы Чилтон словно отправили Пэм в окончательное небытие: она мертва и не сможет ни слова сказать в свою защиту. Теперь Памела Моррис – всего лишь имя, набор звуков, и каждый волен де-

лать с ним что угодно: обвинить в неосмотрительности, обвинить в «знакомствах».

Директриса снова начала рассказывать о том, как важно защищать репутацию школы в столь тяжелый момент.

Айрис подумала, что выносить подобное дважды в день – это уже слишком. Ей казалось, она начнет задыхаться, если хотя бы еще одну минуту послушает про репутацию и угрозы доброму имени школы. Спас ее неожиданный вопрос мистера Ричардсона, молодого и симпатичного учителя физики. Вопрос прозвучал резко и внезапно, прямо посреди речи директрисы Чилтон, словно мистер Ричардсон, как и Айрис, не мог больше выносить эту трусливую болтовню.

– Как она у… Я хотел сказать, как ее убили? – спросил мистер Ричардсон и, точно извиняясь за грубость, пояснил: – Если это был выстрел, то в школе его могли услышать…

Вся комната замерла. Наверное, многие хотели это знать, но никто не решался выказать столь неуместное любопытство к кровавым подробностям.

– Выстрела не было, – произнесла директриса внезапно очень тихо. – Как мне сообщил детектив-сержант Кинг, мисс Моррис нанесли несколько ран… Ударили чем-то по голове.

Мистер Ричардсон несколько раз дерганно кивнул. Кивки напоминали нервные конвульсии.

Потом Ричардсон низко опустил лицо, точно хотел спрятаться ото всех.

Не он один занервничал после слов о нескольких ранах.

Даже грозная мисс Браун побледнела и схватила за локоть стоявшую рядом молодую остроносую учительницу английского, чье имя Айрис пока не запомнила. Мисс Поллок, еще одна учительница математики, вытирала платком слезы, как и одна из учительниц французского, мадемуазель Дюпон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.